

сія, Англія, Франція и далѣ—Японія, Марокко, Индія, оказались всѣ страны свѣта, подчиненныя естественному развитію капитала, цивилизаціи, государственности; на другую чашку вѣсовъ долженъ былъ стать самъ Левъ Толстой. Земной шаръ, осужденный Толстымъ, даже не возмутился, слыша проклятія Льва Толстого, обращенныя къ принципамъ его, земного шара, развитія. Левъ Толстой утверждалъ, что его понятіе о правдѣ должно перевѣсить земляную косность рутины, покрывающую пять частей свѣта. „*Попробуй перевѣсить земной шаръ*“ какъ бы ему въ отвѣтъ запротестовали всѣ. И Толстой, отрицавшій собственность, остался при собственности; и Толстой, отрицавшій условности цивилизаціи, оказался со всѣхъ сторонъ стиснуть ея условіями: оказался стиснуть настолько, что та самая цивилизація, противъ которой онъ возставалъ, его же использовала въ своихъ цѣляхъ: и слова его, словно забастовавшаго противъ всѣхъ, раздавались во всѣхъ пяти странахъ свѣта, переданныя... телеграфной проволокой; а то, въ чемъ проявилась забастовка Льва Толстого, мы увидѣли... на кинематографическомъ полотнѣ: мы увидѣли его бредущимъ за сохою; Левъ Толстой хотѣлъ пострадать, но и страданіе за свою правду не удалось Льву Толстому; и въ то время, когда за идеаль иной государственности отправлялись въ льды Нарымскаго края, онъ, врагъ всякаго государства, стараго и новаго, оставался передъ лицомъ всего міра въ *Ясной Полянѣ*, какъ бы освѣщенный со всѣхъ пяти частей свѣта лучами имъ отрицаемыхъ прожекторовъ цивилизаціи. „*Можешь ты взвалить на плечи весь земной шаръ?*“ спрашивали его европейцы, американцы, азіаты и австралійцы. И смыслъ всѣхъ поученій, нравоученій, аллегорій и притчъ Толстого сводился къ одному: „*Могу*“...— „*Попробуй*“—отвѣчалъ ему земной шаръ. Но Толстой оставался на мѣстѣ: правда, онъ будто-бы пробовалъ: на Черноморскомъ побережьѣ возникли поселки толстовцевъ; наконецъ, въ Канаду перебрались духоборы. Это ли отвѣтъ, котораго ждалъ отъ него весь міръ?

Если бы *это* былъ отвѣтъ—это былъ бы жалкій отвѣтъ: лучше не отвѣчать, чѣмъ отвѣтить толстовскими поселками.

Но вотъ Толстой всталъ и пошелъ—изъ культуры, изъ государства—пошелъ въ безвоздушное пространство, въ какое-то новое, отъ насъ скрытое измѣреніе: такъ и не узнали мы линіи его пути, и намъ показалось, что Толстой умеръ, тогда какъ просто исчезъ